

«Хаты горели, как спички». Каким было военное детство у белгородца Николая Примакова

«Белгородская правда» публикует воспоминания своего давнего и постоянного читателя

Николай Примаков / Фото: Владимир Юрченко

Николаю Примакову из Белгорода скоро 90 лет. 38 из них он выписывает «Белгородку». Говорит, всегда находит что-то интересное почитать. А нам показалась очень неординарной его жизнь и судьба: майор в отставке, Примаков 20 лет работал с ядерным вооружением, проводил испытания на космодроме Байконур.

Они готовились

«Я ивнянец. На одной из центральных улиц посёлка – Интернациональной – стоял наш дом. Мать – домохозяйка, неграмотная, отец – работник сахарного завода, младший брат и я. Ни дома, ни брата, ни родителей давно уже нет.

Мать не помнила числа, когда меня родила, она и свой-то день рождения толком не знала. Отец говорил, что вроде я родился зимой, на Николу (*в христианстве день святого Николая Чудотворца отмечают 6 декабря – прим. авт.*). Метрики у меня долго не было, потому что её надо было получать в сельсовете. Уже после оккупации я сам туда отправился.

Пришёл 5 мая, в документе и поставили эту дату. С годом рождения тоже интересная история. Я **родился в 1932-м**, но год приписали: мать боялась ещё одной войны, хотела, чтобы я пошёл служить в армию позже.

Фото: Российский государственный архив
кинофотодокументов

«Если останусь жива, увидимся». Как
жили белгородцы при немецкой
оккупации

Война началась, когда мне было 9. Немцы заняли Обоянь и Курск, тогда мы оказались как в мешке. В Ивне почти месяц было безвластие. Магазины стояли разграбленные. Когда пришли немцы, меня удивило, что молодые и средних лет офицеры владели русским языком. Пожилые знали отдельные слова. Они **заранее готовились к вторжению в СССР**.

Заняли наши дома и объявили новый порядок. У нас тоже жили трое. Каждую ночь за окнами слышно было колотушку. Немцы вменили в обязанность ходить и стучать из конца в конец улицы. Если её не слышно, значит, что-то замышляется против них.

Потом появилась виселица, на которой повесили партизан, партийных работников, оставленных в тылу для подпольной работы. Их сдал кто-то из своих. Казнили семью коммунистов. Для устрашения тела долго не снимали, они раскачивались от ветра».

Расправа над детьми

«С начала войны появилось много беженцев, которые устроились жить в доме колхозника. Латыши пришли со своей скотиной, коровами, которые потом разбрелись и кормились на полях. По утрам беженцы ходили по деревням, меняли вещи на продукты, к вечеру возвращались.

Как-то утром немцы окружили несколько таких пришлых людей – стариков, женщин, детей, повели в сторону больницы. Человек 30. Я с друзьями тогда сидел в огородах на противоположной стороне пруда и смотрел, что будет дальше.

Их привели к песчаному карьеру и **стали расстреливать**. В одном месте из-за воды, которая пришла с полей, образовался небольшой отвес. Одна из девушек там укрылась. Осталась в живых (*тогда смогла спастись ещё одна женщина – прим. авт.*). Пули засвистели поверх наших голов, мы побежали. Казнь в посёлке видели многие. Мы больше туда не ходили: боялись. Я потом узнал, что это были евреи.

Помню случай, когда расстреляли нескольких наших пацанов-подростков. Возле санатория Гайдара они обкидали камнями троих немцев. О расправе над детьми говорили в каждом доме».

«Мама ходила искать сына среди повешенных фашистами»

Фото: moyarobeda.ru

Два букваря на всех. Как в военное детство Валентины Ломовой вплелась история родной школы

Чистит сапоги!

«В войну занятия в школе проходили для 1-х и 4-х классов. Занимались всего несколько месяцев. Учебников почти не было, тетрадей тоже. На базаре продавали газетную бумагу, её сшивали, и получалась тетрадь. С учебниками выручал друг – сын нашей учительницы Нины Алексеевны Гримовой.

Во время оккупации она собрала у нас учебники и где-то заклеила, где-то вырвала страницы с изображением Ленина, Сталина, чтобы книги не отобрали немцы. Они приходили к нам

на занятия, проверяли, как проводят уроки.

А на переменках ловили мальчишек и заставляли чистить им сапоги. В классе спрашивают: где, например, Колодезный? Мы отвечали: чистит сапоги.

Поэтому мы часто **не ходили в школу**. Я всего несколько раз был на уроках. Почти всё время пропадал на пруду. Ловил рыбу, кормил семью. Мелкую плотвичку мать чуть сполоснёт, даже не чистила, бросит на сковородку, зальёт яйцом – вкуснятина!»

Свистящие бочки

«Во время боёв на **Курской дуге** в полях появились столбы с фосфорными фонарями, которые горели всю ночь, чтобы немцы могли видеть приближение Советской армии. Оккупантов погнали – они стали отступать и начали бесчинствовать. Ивню несколько раз бомбили с воздуха.

Однажды чуть не попали в наш дом: авиабомба упала в конце улицы, загорелись хаты. В тот же день бомбу сбросили на улицу Ленина – полыхнул дом моего дядьки, который там жил. Хаты под соломой горели, как спички. Я видел своими глазами один из воздушных боёв над Курасовкой и Зоринскими Дворами. Позже стало известно, что в том бою **погиб лётчик Горовец**, сбивший 9 самолётов противника.

Четыре раза я был под бомбёжкой. Драпал со всей мочи в окопы за огородом – тогда все накопили себе укрытия. Для устрашения мирного населения немцы сбрасывали с самолётов пустые металлические бочки, изрешечённые пулями. В полёте они издавали звуки, похожие на звуки падающих бомб. **Это был ужас.**

Когда пришли наши, в огородах ивнянцев поставили зенитки. Был такой случай: зенитка открыла огонь по немецким самолётам. Из домов выбежали женщины – плачут, кричат, умоляют зенитчиков остановиться. Вражеская авиация в ответ на стрельбу стёрла бы с лица земли Ивню».

*Фото: Государственный архив
Белгородской области*

**Когда жизнь не была жизнью:
белгородские архивы рассекретили
документы о зверстве фашистов**

Фото: из архива Николая Примакова

До пятого колена

«Из-за проблем с глазами отца не взяли на фронт. Он много и тяжело работал, после войны сильно болел. Всегда советовал мне: «Я всю жизнь горбатил, а ты – чтоб поступил в радиотехническое!»

В 1952-м я окончил десятилетку. Капитан Пономарёв в военкомате спрашивает: ты куда хочешь? Потом пришла разнарядка в Тамбовское училище. Учился ремонтировать артиллерийское вооружение – изучал «катюши», другие пушки. После попал на ремонтную базу Одесского военного округа.

Прошло четыре года. Я женился (с **Галей** мы прожили 52 года), появилась первая дочь, **Светлана**. Семья росла, а профессионального роста у меня нет. У жены высшее образование, она педагог, а я всего лишь с училищем. Хотел стать инженером, чтобы больше зарабатывать и обеспечивать семью. Думал так: пушки я все знаю, учиться будет легко.

В Москве поступил в **военную инженерную академию** (*сегодня военная академия ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого – прим. авт.*), на факультет ядерной физики. Вскоре министерство обороны выпустило приказ сделать факультет закрытым. Студентов-иностранцев перевели учиться в пензенский вуз.

При поступлении у каждого спецслужбы проверяли биографию до пятого колена. Малейшее сомнение в благонадёжности – и отчисление. Перед окончанием академии – опять жёсткая проверка, ещё троих отсеяли».

Фото: из архива Николая Примакова

Гагарин, Харитон, Сахаров

«Во время учёбы нас возили в Семипалатинск, на полигон, показать последствия первой советской атомной бомбы, которую испытали в 1949-м.

О создателях советской атомной бомбы рассказывали на лекциях в академии. Американцы в 1945-м бросили первую бомбу на Хиросиму и Нагасаки. Сталин собрал учёных в Кремле и сказал: «Делайте такую же». Первую бомбу делали 19 физиков-ядерщиков. Среди них **Юлий Харитон** – один из руководителей советского проекта атомной бомбы. Я его однажды мельком видел – маленький такой.

Андрея Сахарова, который тоже был в этой группе, я не встречал. Тогда про него говорили, что, когда в Арзамасе для ядерщиков построили городок с роскошными коттеджами, Сахаров посмотрел один из них и отказался в нём жить. Сказал: пусть достанется детям.

Войсков. 1964.

Фото: из архива Николая Примакова

Во время учёбы в 1961-м видел **Гагарина** – после его полёта в космос. Он проезжал в машине по Москве. Толпа бежала за ней, что-то радостно кричала. А за ними гнались милиционеры из оцепления, которые тоже кричали, чтобы не бросали цветы на дорогу, в машину. Боялись провокаций.

В 1964-м, уже окончив учёбу, мы участвовали в параде Победы на Красной площади. Всего я принимал участие в главном параде пять раз».

Фото: Владимир Юрченко

Собираю брошки

«Я работал в так называемой секретке, запретной зоне за колючей проволокой. Никто из посторонних не мог пройти. Простых рабочих, которые трудились рядом с нами, тоже проверяли вдоль и поперёк и по всей родне. Нам **запрещалось говорить, кто ты, откуда, чем занимаешься**. Говорили: «Молчи». И мы молчали. Что я делаю, знала только жена. Нина, младшая дочка, как-то спросила: «Папа, где ты работаешь?» «Брошки собираю», – ответил я.

Работал на разных заводах, в секретных цехах, где собирали ядерное оружие. Госкомиссия проверяла правильность сборки бомб. Их называли «специзделия». Я отвечал за окончательную сборку. Контролировал работоспособность всех узлов ракеты и заряда бомбы. От нас зависело, чтобы ракета вылетела, прилетела в нужное место и сделала своё дело.

Вначале было жутко: зайдёшь в цех, а там бомбы лежат – морские, авиационные. Потом ничего, привык. Из-за особой секретности у нас была военная **форма космических войск**, синяя. Потом сказали её снять и ходить только в гражданском. Соседи не знали, что я военный. Потом мы жили в домах, где все были такие же, как

Приходилось часто ездить на подземные ядерные испытания, на **космодром Байконур**. Летом 1975-го оказался там в то время, когда запускали «Аполлон» и «Союз» – советские и американские космические корабли.

Последняя запись в трудовой книжке – «военный представитель». Военпред, коротко. Последнее место работы – город **Заречный Пензенской области**. В 1984-м вышел на пенсию, с семьёй переехали жить сюда, в Белгород. Поближе к матери, она ещё была жива.

Устроился работать в Октябрьский исполком. Зарплата была маленькая, я стал искать новое место. Пригласили на «Энергомаш», работал в госприёмке, специальной комиссии, которая проверяла качество продукции предприятия. Там ещё десять лет отработал.

Пока служил, дома мы никогда не отмечали мой профессиональный праздник – День артиллериста, 19 ноября. А здесь завели такую традицию. Жена всегда курицу приготовит, торт на столе стоит. Дети, внуки – у меня их пятеро – поздравляют. Маленький семейный праздник получается».

Фото: Владимир Юрченко

Читаем семьёй

«Моя семья всегда была читающей, постоянно выписывали газеты, журналы. Отстроились в Белгороде и сразу подписались на «Белгородскую правду». Любим газету почти 40 лет. Меня недавно стало подводить зрение, поэтому сейчас мне читает дочь Татьяна.

Николай Примаков с дочерью / Фото: Владимир Юрченко

Увы, я сам вижу, что люди не хотят читать, и не только газеты. Странно слышать от некоторых: «А чё там написано...» Я люблю узнать о политике, истории, новости. Много полезного нахожу в статьях про медицину, здоровье. Одна из самых популярных в семье рубрик – «Сад и огород». У нас ведь дача.

До недавнего времени, пока хватало сил, я сам всё там делал. Осенью перерабатывал урожай, консервировал.

Время меняется, и газета тоже. Мне кажется, в лучшую сторону. Когда-то она была большой, как центральная «Правда». Сегодня меньше форматом, более удобным для чтения. И то, что «Белгородка» стала еженедельником, нам тоже нравится. Газете, как человеку, желаю здоровья и долгих лет жизни».

Записала Анна Золотарёва